Центр "Петербургское Востоковедение"
St.Petersburg Centre for Oriental Studies

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

ST.PETERSBURG JOURNAL OF ORIENTAL STUDIES

выпуск 7
volume 7

Центр
«Петербургское Востоковедение»

Санкт-Петербург
1995

«Записи И-цзяня» и их продолжение

И. А. Алимов
НИИ Музей антропологии и этнографии РАН
(Санкт-Петербург)

Собрание «И-цзянь чжи» (夷堅志 «Записи И-цзяня») вышло из-под кисти сунского литератора Хун Мая 洪邁 (1123—1202), второе имя Цзин-лу 景盧, литературные псевдонимы Жун-чжай 容齋 и Ечу лаожэнь 野處老人, посмертное имя Вэнь-минь 文敏. Происходил Хун Май из провинции Цзянси. Его отец Хун Хао 洪皓 (1088—1155, второе имя Гуан-би 光弼), современник великого сунского поэта Су Ши (1035—1101), будучи послом, пятнадцать лет провел в государстве Цзинь; литературными талантами прославились старшие братья Хун Мая Хун Ши 洪適 (1117—1184, второе имя Цзин-бо 景伯) и Хун Цзунь 洪遵 (1120—1174, второе имя Цзин-янь 景嚴). Сам Хун Май с детства проявил недюжинные таланты и прославился эрудицией: «В юные годы в день он прочитывал по несколько тысяч слов; раз взглянет — и запомнил; он постиг все, что содержалось в книгах, будь то даже [сочинения] байгуань и Юй Чу[1], последователей Шакья и Лао[-цзы]»[2]. В 1145 г. Хун Май выдержал экзамены и положил начало своей чиновничьей карьере. Он служил на должности *лана* (начальник отделения) в Ведомстве чинов и в Ведомстве церемоний; его не раз назначали на службу в провинции, благодаря чему Хун Май побывал в разных уголках страны; при дворе он занимал посты в придворной академии Ханьлиньюань (в том числе *сюэши*[3]) и принимал участие в составлении династийной истории. Хун Май был послан в Цзинь, где чуть не поплатился жизнью за прямоту и непреклонность. Наследие Хун Мая весьма впечатляющее: после себя он оставил много разнообразных произведений значительного объема — в первую очередь это

---

[1] Имеются в виду древнейшие из известных нам сюжетных произведений *сяошо*, упоминаемых в «Хань шу» («Истории [династии] Хань») — записи специальных чиновников байгуань и «Юй Чу Чжоу ши» («Речения Юй Чу о [династии] Чжоу»).

[2] Хоу Чжун-и. Чжунго вэньянь сяошо цанькао цзыляо (Разыскания в области китайской прозы на вэньяне). Пекин, 1985, с. 437.

[3] *Сюэши* — букв.: «ученый муж». В 1186 г., будучи на этой должности, Хун Май представил трону «Сы чао го ши» («История правления четырех императоров»).

сборник *бицзи* «Жун-чжай суй би у чжун» (容齋隨筆五種 «Заметки Жун-чжая в пяти книгах»)[4] и антология «И-цзянь чжи»[5].

Масштабность «И-цзянь чжи» поражает воображение: первоначально в собрании было четыреста двадцать цзюаней, объединявших более пяти тысяч рассказов[6]. Хун Май трудился над «И-цзянь чжи» более тридцати лет: предисловие к первой части коллекции датировано 1161 г., к последней[7] — 1198 г. Видимо, собрание получало распространение не целиком, а по частям[8], именно поэтому полный текст в скором времени был утерян, и уже в «Сун ши» указан объем всего в восемьдесят цзюаней[9]. Долгое время текст собрания существовал в усеченном виде; при династии Мин распространены были варианты, включавшие от двадцати до восьмидесяти цзюаней; текст был сведен вместе лишь в цинское время — этот текст был издан в 1927 г. шанхайским издательством «Шанъу иншугуань», в нем лишь двести шесть цзюаней и около двух тысяч семисот произведений[10]. Трудно сказать, насколько нынешнее деление текста на части соответствует его первозданному облику. Сохранившиеся в иных сочинениях фрагменты из

---

[4] Хун Май. Жун-чжай суй би у чжун. Пекин, 1959. Довольно подробное описание этого сочинения см.: Chang Fu-jui. Jung-chai sui-pi wu chi. — A Sung Bibliography. Hongkong, 1978, p. 292—308.

[5] Подробнее о Хун Мае см. его биографию в 373 цзюани «Сун ши» («История [династии] Сун»); его погодное жизнеописание (*няньпу*), составленное Ван Дэ-и, см.: Сунши яньцзюцзи (Сборник исследований истории Сун). Вып. 2. Тайбэй, 1964; также см.: Сунжэнь чжуаньцзи цзыляо соин (Указатель биографических материалов лиц, живших при Сун). Пекин, 1988, т. 2, с. 1512—1513; Chang Fu-jui. Hung Mai. — Sung Biographies. Wiesbaden, 1976, vol. 1, p. 469—478.

[6] «"И-цзянь чжи", с части "цзя" по часть "гуй" двести цзюаней, с части "чжи цзя" до части "чжи гуй" сто цзюаней, с части "сань цзя" до части "сань гуй" сто цзюаней, с части "сы цзя" до части "сы и" двадцать цзюаней, а всего четыреста двадцать цзюаней». — Чэнь Чжэнь-сунь. Чжи чжай шу лу цзе ти («Аннотированный каталог Чжи-чжая»). Шанхай, 1987, с. 336.

[7] Имеется в виду последнее из датированных предисловий; можно предполагать, что последние три части собрания были закончены Хун Маем незначительно позже.

[8] В собрании тридцать две части, объединенные в четыре больших книги (просто «чжи», записи; «чжи чжи», т. е. записи, в названиях которых использованы циклические знаки т. н. земных ветвей; «сань чжи», т. е. записи из третьей части; «сы чжи», т. е. записи четвертой части); в названия, помимо имени И-цзяня, вынесены циклические знаки: «И-цзянь цзя чжи», «И-цзянь и чжи» и т. д.; в каждой из частей насчитывалось от десяти до двадцати цзюаней.

[9] Там сказано: «Хун Май, "Записи И-цзяня, части "земные ветви"", в семидесяти цзюанях, первоначально было сто цзюаней, ныне сохранились семь частей — "цзя", "и", "бин" "дин", "мао", "гэн" и "гуй"; "Записи И-цзяня, три части", в тридцати цзюанях, первоначально было сто цзюаней, ныне сохранились три части — "и", "синь" и "жэнь"». — Сунши ивэнь чжи, буфупянь. Шанхай, 1957, с. 249.

[10] Переиздано в четырех томах в 1981 г. издательством «Чжунхуа шуцзюй» в Пекине; одно из последних переизданий: Хун Май. И-цзянь чжи. Тайбэй, 1994, т. 1—4.

утерянного текста «И-цзянь чжи» исследователи продолжают обнаруживать и до сих пор[11].

Истоки названия «И-цзянь чжи» следует искать в «Ле-цзы», где сказано: «Есть рыба, которая зовется *гунь*, есть птица, которая зовется *пэн* <...> Но неужели они существуют на самом деле? Великий Юй видел их в своих странствиях, Бо-и, узнав о них, дал названия, а И-цзянь [лишь] слышал [о них] и записал...»[12] Здесь имеются в виду диковинные существа и достоверность информации о них: если Юй где-то видел рыбу гунь и птицу пэн, то И-цзянь сам их не видел, но только слышал о них; полностью доверяя своему информатору, он записал с его слов слышанное. Взяв в название своего сочинения имя И-цзяня, Хун Май, по-видимому, поставил перед собой задачу раскрыть в своем понимании смысл фраз из «Ле-цзы». Чжао Юй-ши 趙與時 (XIV в.) в «Бин туй лу» (賓退錄 «Заметки ушедшего на покой») высказывает мнение, что Хун Май ориентировался на сборник танского Чжан Дунь-су 張敦素 (или Чжан Чжэнь-су 張縝素), носивший название «И-цзянь лу» (夷堅錄 «Заметки И-цзяня»)[13]. А вот какова оценка Чэнь Чжэнь-суня 陳振孫 (1190—1249), младшего современника Хун Мая и автора известной сунской библиографии: «Небрежная легкость его стиля, щедрость к гостям ради праздных бесед — уже одно это говорит о мудрой прозорливости, ну а уж коллекция такая, по величине ни с чем не сравнимая — никак не ошибешься в оценке мужа сего! Единственный интерес его был к тому, что меж небом и землей есть необычайного, не от мира сего; к тому, что называют порази-

---

[11] См. например: Кан Бао-чэн. И-цзянь чжи иши цзюцэ (Девять утерянных фрагментов из «Записей И-яня»). — Вэньсянь, 1989, № 4, с. 21—24; Ли Юй-минь. «И-цзянь чжи» буи саньшицэ (Дополнение в тридцати фрагментах к «Записям И-цзяня»). — Вэньсянь, 1990, № 4, с. 172—184.

[12] Ле-цзы. Цзюань четвертая. — Эршиэр цзы (Двадцать два философа). Шанхай, 1990, с. 209. По поводу рыбы гунь и птицы пэн в «Чжуан-цзы» сказано: «В далеком северном море живет рыба, она зовется гунь. Гунь огромна, сколько тысяч ли она [составляет в длину] — неведомо. Она обращается в птицу, которая зовется пэн. Сколько ли [составляет] размах ее крыльев — неведомо. Разгневавшись, она взлетает — тогда крылья ее закрывают небо как тучи. Эта птица, когда на море буря, тут же летит к южному морю, а южное море — это Небесный пруд. "Ци Се" — собрание записей о необычайном, там об этом сказано: "Когда птица пэн летит к южному морю, на три тысячи ли кругом идут волны, вздымающиеся вверх на девяносто тысяч ли. [Когда пэн уже] улетит, море успокаивается шесть месяцев"» (Эршиэр цзы, с. 12). Великий Юй — легендарный герой китайской древности, тридцать лет подряд трудился над усмирением потопа, а также навел порядок в животном мире. Бо-и усмирял потоп совместно с Юем, славился тем, что знал повадки животных и птиц и понимал их язык.

[13] Чжао Юй-ши. Бин туй лу. Шанхай, 1983, с. 97. Сборник Чжан Го-су насчитывал в своем составе три цзюани и ныне утерян. Сведения о нем см.: Чэн И-чжун. Гу сяошо цзяньму (Краткий каталог старых сяошо). Пекин, 1981, с. 75. См. также: Юань Син-пэй, Хоу Чжун-и. Чжунго вэньянь сяошо мулу (Каталог китайских сяошо на вэньяне). Пекин, 1981, с. 80.

тельно-пугающим. <...> Передают, что Сюй Сюань[14] был любитель поговорить о необычайном, и все то, о чем гости его не осмеливались повсюду рассказывать сами, теряя разум [от страха] и отказываясь вспоминать, хитрыми речами выманивал у них, дабы собрать воедино — так ныне [Хун] Май из таких же! На старости лет он уединился от мира и стал книгу составлять; в те старые истории, что люди неразумные брали во множестве из "[Тай-пин] гуан цзи"[15], стал вносить он исправления от начала и до конца, и когда так набралось несколько цзюаней, больше шлифовать [эти тексты] не стал, а просто включил в свою книгу»[16].

В «И-цзянь чжи» собраны произведения сюжетной прозы *сяошо*, главным образом типа *чжигуай*, т. е. об удивительном; здесь есть и произведения, напоминающие новеллы *чуаньци*. Уже Чэнь Чжэнь-сунь обратил внимание на то, что не все произведения этого собрания принадлежат самому Хун Маю: он подошел к толкованию «Ле-цзы» шире, включив в число источников информации не только изустные, но и письменные, и активно пользовался великим множеством разного рода письменных источников, созданных предшественниками[17].

Собрание Хун Мая «И-цзянь чжи» тематически чрезвычайно разнообразно, одних только действующих лиц в нем более пятисот; оно оказало несомненное влияние на развитие китайской литературы: как сокровищницу сюжетов его использовали многие литераторы, в том числе знаменитый Пу Сун-лин (1640—1715); современный исследователь может найти в нем материалы по истории, литературе, этнографии, праву, языкознанию и пр. Это произведение, необычайное по объему и разнообразию, пока остается почти невостребованным учеными и переводчиками.

Сборник «Продолжение записей И-цзяня» (續夷堅志 «Сюй И-цзянь чжи») известного цзиньского литератора Юань Хао-вэня 元好問 (1190—1257, второе имя Юй-чжи 裕之, литературный псевдоним

---

[14] Сюй Сюань (916—991), известный сунский литератор и каллиграф, в виду имеется составленный им сборник «Цзи шэнь лу» («Записи собранного о духах»), в шести цзюанях.

[15] Антология, составленная по распоряжению сунского императора Тай-цзуна (на троне с 967 по 998 г.) и оконченная в 978 г. В ее составлении было задействовано около пятисот различных сборников главным образом прозы *сяошо*, относящихся ко времени с эпохи Хань и по начало Сун (по 977 г.). Многие из этих сборников ныне утеряны. Единственная для того времени антология подобного объема и охвата материала.

[16] Чэнь Чжэнь-сунь. Указ. соч., с. 336.

[17] Небольшое, но весьма показательное исследование того, как Хун Май пользовался сочинениями предшественников, проделал Ли Цзянь-го: Ли Цзянь-го. «И-цзянь чжи» иньюн сунжэнь сяошо шокао (Разыскания о ссылках в «И-цзянь чжи» на сюжетную прозу сунских авторов). — Нанькай вэньсюэ яньцзю, 1988 (Исследования по литературе Нанькайского университета, 1988 г.). Тяньцзинь, 1989, с. 166—192.

И-шань 遺 山)[18], в отличие от собрания Хун Мая, не избалован вниманием китайских традиционных библиографий (в собрание сочинений Юань Хао-вэня сборник попал в самое позднее время) и современных исследователей (традиционно о Юань Хао-вэне говорят в первую очередь как о поэте[19]). Такое положение вещей следует объяснять тем, что сборник этот нельзя отнести к самым выдающимся произведениям китайской литературы. Он интересен и важен для нас главным образом своей уникальностью — как единственный из сборников *бицзи*, дошедший до наших дней от эпохи Цзинь.

Современный китайский исследователь в предисловии к последнему изданию «Сюй И-цзянь чжи» высказал мнение, что это сочинение было напечатано еще при Цзинь[20]. В 1332 г. текст «Сюй И-цзянь чжи» был отредактирован Ван Дуном 王 東, о чем говорится в его за-

---

[18] О Юань Хао-вэне см. его биографию в 126 цзюани «Цзинь ши» («История [династии] Цзинь»; текст надписи на мемориальной стеле и погодное жизнеописание Юань Хао-вэня см.: Юань И-шань ши цзи цзянь чжу. Ши Го-ци чжу (Собрание стихов Юань И-шаня с толкованием и комментарием. Коммент. Ши Го-ци). Пекин, 1989, с. 28—64; о его творчестве см. сборник статей «Юань Хао-вэнь яньцзювэнь цзи» («Изучение Юань Хао-вэня»), Тайюань, 1987, а также материалы к 800-летию со дня рождения Юань Хао-вэня, опубликованные в журнале «Вэньсюэ ичань» («Литературное наследие»), 1990, № 4, с. 44—77. Библиография китаеязычных и переводных (с японского) работ, вышедших в 1949—1985 гг. о Юань Хао-вэне и его творчестве, составленная Синь Чжуань-гу, опубликована в упомянутом сборнике «Юань Хао-вэнь яньцзювэнь цзи», с. 369—373. На английском языке см.: Wixted J. T. Finding List for Chinese, Japanese and Western-Languages Annotation and Translation of Tuan Hao-wen's Poetry. — Bulletin of Sung-Yuan Studies. 1976, № 17, p. 140—185; см. также Wixted J. T. Poems on Poetry: Literary Criticism by Yuan Hao-wen (1190—1257). Wiesbaden, 1982. Эта работа включает полный, снабженный подробнейшим комментарием перевод цикла четверостиший Юань Хао-вэня «Лунь ши сань ши шоу» («Рассуждение о поэзии в тридцати стихотворениях»). Более подробно на русском языке биографию Юань Хао-вэня см. в опубликованных мною работах: Жизнь и творчество Юань Хао-вэня. — XIX научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 1988, ч. 1, с. 181—184; расширенный очерк его жизни и творчества с переводами образцов поэтических и прозаических произведений см.: Юань Хао-вэнь: жизнь и творчество. — Человек, философия, культура. Вып. 1. Культуры в диалоге. Екатеринбург, 1992, с. 222—274.

[19] И это вполне оправданно. Он оставил после себя значительное число стихотворений, которые неоднократно переиздавались. Из последних изданий см.: Юань И-шань ши цзи цзянь чжу. Юань Хао-вэнь известен как автор антологии стихов цзиньских поэтов «Чжунчжоу цзи» («Собрание Чжунчжоу»), уникального источника, донесшего до нас не только сами стихотворения, но и единственные сведения о многих цзиньских поэтах.— Чжунчжоу цзи. Шанхай, 1962, т. 1—2.

[20] Юань Хао-вэнь чжуань. Сюй И-цзянь чжи. У мин ши чжуань. Ху хай синь вэнь И-цзянь сюй чжи (Юань Хао-вэнь, сост. Продолжение записей И-цзяня. Анонимный автор. Новые слухи между озер и морей или Продолженные записи И-цзяня). Пекин, 1986, с. 2.

метке (拔), а также в заметке его приятеля Сун У 宋無[21] : «Книга попала в руки моему другу Ван Ци-шану. Он спешно переписал текст и сделал [себе экземпляр] книги. Познания [Ци-шана] обширны, почерк аккуратен, поэтому [его списку] можно верить. Он принес книгу показать мне, и, хотя время было позднее, начинало смеркаться, я продолжал читать до поздней ночи и прочел все четыре цзюани. [Прочитанное] глубоко запало мне в сердце»[22]. В 1363 г. переписанный Ван Дуном текст книги попал к Сунь Дао-мину, известному библиофилу и ученому времен династии Юань 孫道明 (1279—1368). Однако Сунь Дао-мин в своей заметке написал, что хранящийся у него текст «Сюй И-цзянь чжи» в своем составе имеет всего две цзюани, а не четыре, как писал Сун У. Видимо, где-то между 1332 и 1363 гг. текст книги был кем-то переработан таким образом, что из четырех цзюаней получились две. Вариант текста «Сюй И-цзянь чжи» в две цзюани был известен до тех пор, пока не оказался в библиотеке знаменитого цинского литератора, филолога и чиновника Юй Цзи 余集 (1738—1823), чье предисловие к тексту датировано 1808 г. Желая восстановить первоначальный вид книги, Юй Цзи на свой страх и риск снова разбил текст на четыре цзюани. Трудно сказать, насколько это соответствует первоначальному делению книги[23].

Сборник Юань Хао-вэня «Сюй И-цзянь чжи» не столь значителен по объему, как собрание Хун Мая, — в нем всего четыре цзюани, или 203 произведения[24]. Однако, как показывают исследования китайских текстологов, весь сборник написан самим Юань Хао-вэнем, а не является компиляцией (хотя бы и частичной) сочинений предшественников. Юань Хао-вэнь старательно указывает источники приводимой информации: чаще всего это его друзья или знакомые. О большинстве из них мы сегодня ничего не знаем, история донесла лишь их имена; о некоторых известно немного больше, главным образом из материалов составленной Юань Хао-вэнем поэтической антологии «Чжунчжоу цзи» (中州集)[25]. Кроме того, описываемые в «Сюй И-цзянь чжи»

---

[21] Юань Хао-вэнь. Сюй И-цзянь чжи, с. 4, 98. Про Ван Дуна известно, что второе имя его было Ци-шан, родом он был из Цзянсу. Второе имя Сун У — Цзы-сюй, он из Хэнани.

[22] Указ. соч., с. 98.

[23] Современник Юй Цзи, автор другого предисловия в «Сюй И-цзянь чжи», подписавшийся «Жун-юй, даос из Сунбосинь, что в Дунхае», свидетельствует, что Юй Цзи предпринял также новое издание книги Юань Хао-вэня. На основании этого текста, вошедшего в книжную серию «Дэюэцзи цуншу», «Сюй И-цзянь чжи» была переиздана в 1986 г. в Пекине.

[24] Кроме того, в оглавлении присутствуют четыре названия рассказов, текст которых не сохранился (Юань Хао-вэнь. Сюй И-цзянь чжи, с. 72), и у одного рассказа отсутствует конец (с. 71).

[25] Среди этих людей — Чжао Тянь-си, начальник Ляочэна, где Юань Хао-вэнь прожил два года в своеобразной резервации, устроенной монголами для за-

события по времени приходятся на годы жизни самого автора (главным образом с 1201 по 1216 г.), чего нельзя сказать о собрании Хун Мая. Таким образом, Юань Хао-вэнь в толковании фразы из «Ле-цзы» об И-цзяне стоит ближе к ее смыслу, чем Хун Май, ибо записывал действительно то, что слышал сам, от других людей, в правдивости которых не сомневался.

В плане содержания сборник «Сюй И-цзянь чжи» также достаточно разнообразен. По мнению Ли Чжэн-миня, в нем можно выделить пять устойчивых тематических групп, а именно: рассказы, так или иначе связанные с противостоянием захватчикам-монголам и сопротивлением насилию; рассказы, где фигурируют духи, души умерших и лисы-оборотни; рассказы, воспевающие те или иные добродетели; рассказы о любви, а также рассказы о разных необычайных случаях и предметах, обладающих волшебными свойствами[26]. В целом более восьмидесяти процентов содержания «Сюй И-цзянь чжи» в той или иной степени посвящены необычайному, сверхъестественному, волшебному: в 37 произведениях речь идет о душах умерших и духах, 14 посвящены загробному воздаянию, 25 — пророчествам и гаданиям, 58 — необычайным слухам и историям[27].

Ниже читатель найдет переводы некоторых рассказов из обоих сборников, снабженные необходимым комментарием.

хваченных цзиньских чиновников. Благодаря помощи Чжао Тянь-си существование Юань Хао-вэня в Ляочэне было довольно сносным. Позже именно Чжао Тянь-си выхлопотал для Юань Хао-вэня разрешение покинуть Ляочэн. Кроме Чжао Тянь-си среди них зять Юань Хао-вэня Ди Го-цай, его близкий друг Лэй Юань (1184—1231), Чжан Шан-юй, Фань Шуай, Чжан Бо-ин, некий даос Хэ, Цзяо Фу-цунь, Ван Ань-цин, Чанхоу Дэ-мин, Чжоу Мэн-цин и др.

[26] Ли Чжэн-минь. Шилунь Юань Хао-вэньдэ чжигуай сяошо цзи «Сюй И-цзянь чжи» (О сборнике чжигуай сяошо Юань Хао-вэня «Продолжение записей И-цзяня»). — Юань Хао-вэнь яньцзювэнь цзи, с. 233—247.

[27] Ли Цяо-лунь, Вэй Жунь-мин. Юань Хао-вэнь «Сюй И-цзянь чжи» цянь цзи (Начальный анализ «Продолжения записей И-цзяня» Юань Хао-вэня). — Юань Хао-вэнь яньцзю вэньцзи, с. 247—248.

Хун Май

«Записи И-цзяня»

О причинении зла захоронениям

На четвертый год правления под девизом Чжэн-хэ[1] вышел указ отремонтировать дворцовые покои в Лояне, и обязанность следить за ходом работ была возложена на налоговое управление провинции. Начальник этого управления некто Ван за злоупотребления должностным положением попал под следствие, и губернатор Хэнани Цай Ань-чи[2] дал ему отставку, а носившего в то время траур дайчжи палаты Хуэйюгэ[3] Сун Цзюня назначил начальником главного налогового управления страны и освободил его от повседневных дел по управлению этим ведомством с тем, чтобы Сун занимался только ремонтом дворцов.

Сун весь погрузился в порученное дело.

— Если сумеем быстро закончить, можно будет рассчитывать на щедрую награду! — твердил он подчиненным. Один из них, некто Сунь Куан, не верил в то, что такое большое дело можно исполнить хорошо в короткие сроки.

— А вы, господин, слышали историю о том, как лиса породнилась с тигром? — шутливо сказал он Суну. — У лисы была дочь, и ее посватал тигр. Вечером, во время свадебной церемонии гости стали желать молодой: «Родить вам в скором времени пять сыновей и двух дочерей!» А лиса на это почтительно отвечала: «На пять сыновей и двух дочерей и надеяться не смеем! Избавиться бы от вонючего духа нашей породы поскорее — вот было бы счастье!» Так и наше дело — прямо вроде этого!

Сун не нашел в рассказе Суня ничего смешного, и Сунь вскорости, сославшись на болезнь, ушел со службы.

---

[1] См. Указатель встречающихся в тексте перевода дат.

[2] Цай Ань-чи (XII в.)— сунский чиновник, второе имя Цзы-чжун.

[3] Палата Хуэйюгэ была учреждена в 1108 году для хранения документов и бумаг императора Чжэ-цзуна (на троне с 1086 по 1100 г.); при этой палате существовал ряд должностей, в том числе *дайчжи*, придворного советника.

Дворцовые покои протянулись с юга на север на шестнадцать ли[1], там следовало отремонтировать четыреста сорок помещений и галерей, великое множество украшений на крышах дворцовых зданий надо было покрыть заново лаком — и все срочно. Потребовались на золу бычьи кости, но достать их нигде не могли. А в двадцати ли от Лояна было несколько десятков могильных курганов, где находились общие захоронения тысяч людей. И вот чиновник, некий Хань, подал такой совет:

— Эти кости брошены там без надзора, так надо их выкопать и сжечь на золу. Кости все равно валяются безо всякой пользы, и их уже брали по приказу господина Вана!

Сун согласился на это. Находившиеся в его подчинении начальник области Го Лянь-жун, помощник Пэн Ци и другие приняли все как должное, и никто не возразил ни слова. Сун за заслуги был назначен на пост сюэши палаты Сяньмогэ[2]. Позже вышел приказ о назначении Суна главным дворцовым управителем, но он умер.

В годы правления под девизом Сюань-хэ Сунь Куан заболел, умер и был доставлен в управление на Тайшани[3]. На воротах там висела таблица «Врата Умиротворения». Тюремные служащие втолкнули Суня в ворота. Последовал указ истребить весь род Суня.

— За какое такое преступление?! — воскликнул он.

— А кто получил повышение в чине благодаря тому, что раскопал могилы у Лояна?! Как смеешь ты спорить! — загремел голос из зала.

Тогда Сунь попросил очной ставки. Он увидел двух заключенных, закованных в наручные и ножные кандалы. Перед каждым стоял солдат и держал у лица узника веер. Временами солдаты взмахивали веерами, а веера те были сплошь в длинных шипах, и кровь узников потоками струилась наземь. Суня подвели поближе, и он увидел, что это Сун и Ван, — не признав своего преступления, они сваливали вину друг на друга. Тут Сунь рассказал о том, что было, когда он поведал историю о

---

[1] Мера длины, около полукилометра.

[2] Палата Сяньмогэ была учреждена в 1098 г. для хранения документов и бумаг императора Шэнь-цзуна (на троне с 1068 по 1085 г.). При императоре Хуэй-цзуне, в 1101 году при этой палате были учреждены различные должности, в том числе *сюэши* (ученый муж).

[3] Согласно традиционным китайским верованиям, в районе горы Тайшань (пров. Шаньдун, главная из пяти священных гор Китая) располагалась канцелярия управителя загробного мира, куда после смерти в обязательном порядке попадают все души для определения меры наказания за причиненный ими при жизни вред и определения дальнейшей их судьбы.

лисе и тигре, и как он покинул службу. Все присутствующие рассмеялись, а Сун и Ван во всем сознались. Их увели, а Сунь ожил.

На другой день Ханю, посоветовавшему Суну разрыть могилы, приснился сон — подобный тому, что видел Сунь. Его тоже схватили, допросили и когда повели прочь, Хань пал ниц и закричал:

— Проступок мой не заслуживает смертной казни! Да и предок мой Вэй-гун[1] имел большие заслуги перед троном — нельзя уничтожать моих родных всех до последнего!

Владыка долго обдумывал это, а потом изрек:

— Уничтожить лишь его потомков! — И такое решение занесли в книги. Через несколько месяцев после этого Хань умер.

Не прошло и года, как не стало его жены и детей, так что для наследования пришлось брать мальчика из другой ветви рода Хань.

Я слышал эту историю от У Ху-чэня[2], а У узнал ее от Хань Цзы-цана[3]. Будучи во Дворе Истории Страны, я проверил там все по записям и узнал, когда это было и кто на каких должностях служил.

Вот что рассказал мне Ли Юй из Шаоу[4] (второе имя Гуан-цзу): «Некий придворный выдвинулся таким же образом. После этого он поселился в Дэнчжоу[5]. На него напала странная болезнь — на заду вскочил нарыв больше цуня[6] размером, из нарыва показалась кость. Придворный не мог ни сесть, ни лечь. Лекарь пытался удалить нарыв, и после долгих усилий нарост отпал, свалился на пол и согнулся, как поросячий хвост. А через несколько дней нарост появился снова. Лечили прежним способом. Так продолжалось больше года, и всего было удалено тридцать шесть подобных выростов, прежде чем придворный, наконец, умер».

---

[1] В виду имеется сунский вельможа Хань Ци (1008—1075), за многочисленные заслуги перед двором пожалованный титулом Вэйго-гуна.

[2] Речь идет об У Цзэне (XII в.), второе имя которого было Ху-чэнь, известном сунском литераторе, авторе сборника *бицзи* «Нэн-гай чжай мань лу» («Неспешные записи из кабинета Нэн-гая»).

[3] Хань Цзюй (?—1135), второе имя которого было Цзы-цан, сунский чиновник и литератор.

[4] Про этого человека из другого рассказа Хун Мая нам известно, что в 1144 году он был назначен служить в уезд Шаоу (пров. Фуцзянь).

[5] См. Указатель географических названий, встречающихся в тексте перевода.

[6] Мера длины, около трех сантиметров.

А вот что рассказал мне Ван Жи-янь: «Господин Сун сначала спросил подчиненных, как быть, и кто-то сказал, что кости брать не следует. Вернувшись домой, Сун все продолжал думать над этим, желание исполнить задуманное окрепло, и он лично написал бумагу с распоряжением выкопать кости. Некий Люй, секретарь, опасаясь, как бы впоследствии не оказаться за это под следствием, высказал свое особое мнение в специальной бумаге и заклеил ее в конверт. Прошло несколько лет, и душу Люя вызвали для дачи показаний в загробное управление. Там Люй увидел, как быкоголовые стражи вталкивают кого-то прямо в бушующее пламя — это был Сун. "Все делалось по его приказу!" — показал Люй. — "Есть и собственноручно писанная им бумага". Тогда владыка послал за этим документом, и через самое короткое время его доставили. Показали Суну, и тот во всем сознался, а Люя отпустили... На другой день в управлении стали смотреть казенные бумаги — в конце фамилии всех чиновников были на месте, а фамилии Суна не оказалось! Вскоре Люй, сославшись на болезнь, испросил отставку, вернулся на родину и, оставив дом, сделался странствующим буддийским монахом».

Девушка с южного рынка в Эчжоу

В чайной лавке, что на деревенском рынке в южной части Эчжоу, был слуга по имени Пэн Сянь. Этот Пэн, простой крестьянин, обладал, тем не менее, белым лицом и привлекательной внешностью. Девица У из богатого дома, стоявшего напротив лавки, частенько украдкой любовалась Пэном из-за занавески и полюбила его. Но поскольку поведать Пэну о своих чувствах у нее не было возможности, девица от тоски заболела чахоткой. Мать ее в испуге стала допытываться:

— Доченька, не иначе, как у тебя какие-то тайные думы на сердце! О чем, скажи!

— Правда, — отвечала девица. — Но боюсь, что вы с батюшкой будете гневаться. Не смею говорить!

Мать продолжала выспрашивать, и наконец девица поведала ей о своей любви. Мать рассказала отцу, а тот, поскольку разница в общественном положении была слишком велика, хотел было перевести все это в шутку, но дочь и слышать ничего такого не хотела.

Болезнь усиливалась, и кое-кто из родственников, узнав обо всех этих обстоятельствах, стал уговаривать старого У не

препятствовать браку. Тогда У позвал к себе слугу Пэна и сообщил о своем согласии на брак дочери с ним, думая, что тот обрадуется. Пэн же, уже сам подумывавший о женитьбе, решил, что девушке не пристало так себя вести, поэтому любовь девицы У не вызвала отклика в его сердце. Пэн решительно отказался.

Вскоре девица У умерла. Ее погребли в фамильном склепе. Похоронная церемония была настолько пышная, что люди только вздыхали в изумлении.

Потом некий молодой дровосек, соблазнившись множеством дорогих вещей, положенных с покойной в гроб, задумал раскопать ее могилу. Открыл гроб, взялся и посадил покойную, дабы снять с нее одежду, как вдруг девица У открыла глаза и уставилась на него.

— Как хорошо, что ты встряхнул меня — я ожила! — сказала она дровосеку. — Не причиняй мне зла, лучше подожди темноты, а потом отнеси меня домой. Я отлежусь, и если ты все сделаешь хорошо, то я стану твоей женой!

Дровосек исполнил все в точности. Он сложил все как было, поправил разрушенную могилу и направился домой.

Когда болезнь девицы У пошла на поправку, дровосек, как и было условлено, взял ее в жены. Девица носила теперь грубую одежду и травяную обувь и уже не прихорашивалась как прежде, но воспоминания о Пэне не давали ей покоя.

Настала весна пятого года Гань-дао.

— Давно уже не была я в родных местах, так ты найми лодку и свези меня туда, — попросила девица У своего мужа. — Я схожу домой навестить родных. Увидев, что я теперь снова живая, они обрадуются и не будут, конечно, подавать в суд.

Дровосек нанял лодку и поехал с ней. Приехали на южный рынок, и У пошла прямо в чайную. Она поднялась на второй этаж, а тут как раз появился Пэн с кувшином в руках. Выслав мужа за вином, У поспешно подозвала к себе Пэна, упала перед ним на колени, сказала, что воскресла из-за старой связи с ним, и стала просить его соединиться с ней. Но Пэн отнесся к ее речам с былым осуждением. Он знал, что девица У умерла.

— Ты — чертовка, да как ты смеешь появляться среди бела дня! — стыдил ее Пэн.

Дева заплакала и повернула прочь. Пэн погнался за ней, и У упала на землю. Пэн смотрит, — а она и впрямь умерла! Тут подоспел дровосек с вином, схватил Пэна и стал кричать об обиде. В доме У услышали это, прибежали и окружили с горькими рыданиями тело. Не зная, что дочь их воскресала из мерт-

вых, они тут же схватили дровосека и потащили его в управление. Оттуда для осмотра могилы был послан уездный начальник. В могиле оказалось пусто. Повели расследование. Дровосек по обвинению в порче гроба и краже трупа был приговорен к смертной казни, а слуга Пэн отделался более легким наказанием.

Буддийский монах Ляо-цин из храма Юньцзюйсы как раз в это время собирал пожертвования в Эчжоу и был свидетелем этого необычного происшествия. Несколько похожий рассказ — о дочери датунского Чжана — содержится в книге «Цин цзунь лу»[1].

И-нян из Тай-юаня

Столичный[2] житель Ян Цун-шан оказался на захваченных землях в Юньчжуне[3]. Однажды по служебной надобности он приехал в Яньшань. Там он зашел в винную лавку выпить вина и вдруг на стене увидел надпись, под которой было имя: «И-нян из Тайюаня». Это оказалось короткое стихотворение цы[4], в котором говорилось о желании найти своего пропавшего супруга. Посмотрев еще раз на подпись, Ян вдруг узнал руку жены своего двоюродного старшего брата Хань Ши-хоу, госпожи Ван. Со времен мятежа[5], когда они расстались, Ян не получал от Ханя и его жены никаких вестей. Ян стал внимательно разглядывать надпись, и оказалось, что тушь еще не успела высохнуть! Ян кинулся с расспросами к хозяину, и тот отвечал:

— Только что приходили выпить вина несколько дам, одна из них попросила кисть и написала! Да они, верно, еще не ушли далеко!

Ян вскочил, бросился следом и догнал... По дороге шли несколько человек, а сзади женщина в пурпурной юбке и головных украшениях в виде золотых лошадок. Шея женщины была закрыта полосою шелка. Увидев Яна, она замерла в испуге. Не смея окликнуть его, она лишь время от времени подни-

---

[1] Речь идет о сочинении южносунского Лянь Бу, второе имя Цзы-сюань, литератора, каллиграфа и художника.

[2] Имеется в виду столица Северной Сун, Бяньцзин, современный город Кайфэн, провинция Хэнань.

[3] Речь идет о чжурчжэньской империи Цзинь (1115—1234), в состав которой вошли захваченные у Китая территории, и главном городе образованной чжурчжэнями провинции Датунфу, ныне город Датун в провинции Шаньси.

[4] Стихотворный жанр, характеризующийся нерегулярной длиной строки и тем, что стихотворение складывалось на определенный мотив.

[5] Имеется в виду нападение на Китай империи Цзинь.

мала на Яна глаза, чтобы убедиться, что тот идет следом. С наступлением темноты спутницы ее разошлись, дева привела Яна к воротам какой-то усадьбы.

— Вместе со служанкой бежала я в чужие края и добралась до Хуайсы, — стала говорить дева Яну. — И там нас схватили. Вождь варваров, тайвэй Саба захотел овладеть мной, но долг не позволял мне подвергнуться такому поруганию, я решила покончить с собой, перерезала себе горло! Супруга вождя, госпожа Ханьго, узнав об этом, пожалела меня, вылечила и помогла уехать оттуда. Я так внезапно рассталась с мужем, что не знаю, где он сейчас! Слышала только, что служит где-то в землях к югу от Реки. Каждый раз, как вспомню обо всем этом, так не могу удержаться от слез!.. А это перед вами — усадьба Ханьго. Сегодня вместе с другими девушками я отправилась на прогулку, да что-то расчувствовалась и написала на стене те стихи. Я и подумать не могла, что они попадутся вам на глаза! Если у вас выдастся случай, непременно навестите меня. А если что узнаете о моем супруге, то я щедро отблагодарю вас!

Ян, опасаясь, как бы усадебные служащие его не заметили, не посмел больше задерживаться и с грустью в сердце расстался с девой. Хоть всем сердцем он и стремился туда, но прийти больше не посмел.

Позже Ян, будучи все в той же винной лавке, где он прочитал на стене стихи, вдруг увидел на другой стене новую надпись — стихи и подпись: «Хань Ши-хоу». Не понимая, что бы это значило, Ян стал расспрашивать хозяина.

— На казенное подворье с юга прибыли послы с целью установить дружеские отношения[1] , и четверо или пятеро из них заходили ко мне выпить вина. Наверное, кто-то из них и написал! — отвечал хозяин. В то время еще не были установлены строгие запреты, и послы свободно могли общаться с кем угодно, поэтому Ян тут же пошел на подворье. Там он действительно встретил Ханя. Схватившись за руки, они плакали и смеялись. Когда же речь зашла о том, где сейчас И-нян, Хань горестно произнес:

— Когда мы столкнулись с мятежниками, она перерезала себе горло, и я сам это видел! Ее уж нет в живых.

Ян же, помня о просьбе девы, повел Ханя к усадьбе, но там царила тишина, никого не было, и лишь густо росли дикие травы.

— Да, здесь действительно жила И-нян, — отвечала какая-то старуха. — Но она — не живая! Госпожа Ханьго, испол-

---

[1] Т. е. посольство Южной Сун в Цзинь.

нившись сочувствия к ее добродетели и чувству долга, предала ее тело огню, а когда государство Хань пало, госпожа похоронила ее останки... — И старуха повела Яна и Ханя к месту погребения.

Они вошли в ворота усадьбы и в страхе поспешно проскочили из галереи в комнаты. Следом за старухой они попали в домашний зал предков Ханьго. Сбоку там был нарисован портрет И-нян: одежда, облик — все такое, как видел Ян. В сильном горе вернулся Хань на подворье, приготовил вино и жертвенное мясо, написал текст молитвенного обращения к духам, прося в нем позволить забрать сгоревшие останки и отвезти их на родину. Он стал кланяться и молиться:

— Хочешь ли ты ехать или нет? Дай знать голосом или тенью своей.

Прошло довольно много времени, и вдруг появилась дева.

— Я так тронута вашей, господин, любовной привязанностью, что одинокая душа моя прилетела к вам. Могу ли я не хотеть уехать на родину?! Но если я отправлюсь с вами на юг, удостоюсь вашего благосклонного внимания, то это вызовет зависть в загробном мире. А потом вы, господин, женитесь снова и прежнего внимания мне оказывать не будете. Уж лучше мне не ехать с вами!

Рыдая, Хань поклялся не жениться снова, тайно раскопал могилу, достал останки и унес с собой. Достигнув Цзянькана, он совершил все положенные церемонии, гадания и захоронил их. Каждые десять дней Хань ходил на могилу и следил, все ли в порядке.

Через несколько лет Хань, страдая без семьи, в конце концов женился снова. Конечно, уход за могилой был теперь уже не тот, и вот дева, вне себя от негодования, явилась Ханю во сне:

— Раньше мне было очень спокойно, но вы, господин, силой перевезли меня, а теперь — клятву вашу нарушили! Не выдержали одиночества! Что ж, и вы вкусите того же, что и я!

От горя и тоски Хань заболел. Он знал, что смерть неизбежна, и через несколько дней действительно умер...

Удивительная женщина из столицы

В годы правления под девизом Сюань-хэ один столичный ученый вечером пятнадцатого дня первой луны[1] отправился

---

[1] Т. е. во время «праздника фонарей» (*юаньсяо*), который в сунское время в столице, Бяньцзине, праздновался в течение целых пяти дней. В эти дни (и но-

гулять. Дошел до терема Эрмэйлоу, а там — такая толпа гуляющих, что просто не пройти. Тогда он пошел в сторону и увидел вдруг красивую девушку, стоявшую с таким растерянным видом, будто она что-то потеряла. Ученый окликнул ее, и девушка отвечала:

— Вместе с подругами я пошла любоваться фонарями, но тут столько толчется людей, что я потеряла своих и не знаю теперь, куда идти...

Втайне обрадовавшись, ученый стал речами завлекать ее.

— Я давно уже тут стою, так что в конце концов кто-нибудь непременно уведет меня силой. Лучше уж я с вами пойду! — согласилась девушка.

Ученый возликовал, схватил ее за руку и повел к себе домой. Прошло полгода, и чувства их стали необычайно глубоки. Девушки так никто и не хватился.

Однажды ученый позвал на вино своего лучшего приятеля и велел деве прислуживать им за столом. Все прошло прекрасно.

Через несколько дней тот человек пришел снова.

— Эта вот девушка, которую я видел давеча, — спросил он, — откуда она у тебя?

— Я ее купил, — солгал ученый.

— Ну нет! Ты должен сказать всю правду!.. Вечером, когда мы пили тогда вино, я заметил, что пламя свечи меняло цвет каждый раз, когда она проходила мимо. Я и подумал, что это — не человек. Надо проверить!

— Да мы вместе уже несколько месяцев! — возразил ученый. — Этого не может быть.

Друг не мог дальше настаивать, но сказал:

— Наставник Ван Вэн-цин из храма Баочжэньгун известен искусством писать амулеты. Давай навестим его. Если что-то такое есть, так он непременно определит. Ну, а если все в порядке, то вреда от этого визита тоже не будет.

И они отправились.

Наставник Ван, лишь увидев ученого, в страхе воскликнул:

— Очень силен нечистый дух! Почти невозможно помочь! Эта нечисть не из обыкновенных, с простыми злыми духами ее и не сравнить! — И, тыча пальцем в других посетителей, добавил:

— Скоро вы все будете давать свидетельские показания.

чи) зажигали разноцветные фонарики, пели и танцевали, изготавливали специальные вареные колобки.

Присутствующие были очень напуганы. Ученый же, помня, что́ перед этим сказал ему друг, не посмел больше ничего скрывать и обо всем рассказал наставнику.

— А что эта тварь больше всего любит? — спросил тот.

— У нее есть привязной кошель, очень искусной работы, она все время носит его на поясе и никому не показывает.

Тогда наставник Ван написал красным два амулета, подал ученому и сказал:

— Идите домой, подождите, пока она уснет, и один амулет положите ей на голову, а второй — в кошель.

Только ученый ступил на порог, как дева начала страшно ругаться:

— Уже сколько времени прошло с тех пор, как я вверила вам себя, а вы все не доверяете мне, обращаетесь к даосам за амулетами! Почему вы считаете меня нечистью?!

Ученый поначалу отнекивался и изворачивался, но дева сказала:

— Слуга донес мне, что один амулет вы хотите положить на мою голову, а второй — в кошель. К чему говорить неправду?

Ученый не мог больше спорить. Он потихоньку сходил к слуге, но тот ничего знать не знал, и ученый укрепился в своих подозрениях.

Настал вечер, и он стал ждать, когда дева уснет, но она зажгла лампу и сидела не смыкая глаз до самого рассвета.

Так прошло несколько дней. Ученый сильно осунулся. Он снова пришел к наставнику Вану.

— Она не выдержит более ни одной ночи, — радостно сказал ему Ван. — Сегодня вечером она непременно заснет, так вы делайте все, как я вам сказал.

Ночью дева действительно заснула, и ученый поступил так, как ему было велено. Утром оказалось, что дева пропала неизвестно куда.

Вдруг через два дня из Кайфэна прислали тюремного чиновника арестовать наставника Вана и бросить в тюрьму.

— В таком-то доме девушка три года лежала больная. И вот, когда болезнь обострилась, она вдруг воскликнула: «Наставник Ван из храма Баочжэньгун убил меня!» — И умерла. Домашние стали ее обмывать и увидели у нее в волосах и в поясном кошеле по амулету. Они составили бумагу в управление, говоря, что вы, наставник, дьявольским образом погубили их дочь! — объяснил чиновник.

Ван подробно изложил все, как было, позвал ученого, а также бывших у него в тот самый день посетителей. Показания

их всех в точности совпали, и Вана освободили от наказания. Сам он был родом из Цзяньчана.

Все это рассказал мне Линь Лян-гун[1]. Он учился вместе с приятелем этого ученого.

Даос из Шанъю

Когда мой земляк Дун Пу на четвертый год под девизом правления Сюань-хэ был назначен помощником начальника в уезд Шанъю, что в воеводстве Наньань, там появился даос — ростом, может, немного выше шести чи[2]; он пришел с юга и рассказывал, что совершает паломничество на Южный пик[3]. Даос был весьма остер на язык.

Дун в честь даоса устроил пир. Позвал гостей и попросил даоса показать собравшимся свое искусство. Тот взял плетеную бамбуковую корзину без дна и набросал в нее глины. Собралось несколько сотен гостей, и даос предложил каждому взять по куску, размером примерно в боб, и положить в рот. Все выразили согласие. Тогда даос попросил всех подумать, чего бы им хотелось, и сказать ему — кто-то стал называть фрукты, кто-то еду, кто-то сладости. Даос, набрав полную грудь воздуха, стал с силой дуть во рты собравшихся, и глина стала превращаться в то, что каждый заказал! Даос запретил это жевать или глотать, поскольку глину можно было превратить еще раз, во что-нибудь другое. И вот у всех, кто пожелал мяса, оно превратилось во фрукты, а фрукты у пожелавших их — в мясо; происходило великое множество разных превращений, а ведь была-то это простая глина!

В это время кто-то из домочадцев Дуна, не очень-то веря даосу, подозвал слугу и наказал ему:

— Ты тоже назови ему что-нибудь, и что бы ни получилось, говори, что это не то, что ты просил. Посмотрим, что даос тогда будет делать!

Слуга взял в рот глину и крикнул:

— Пусть будет вишня!

Даос дунул ему в рот и спросил:

— Ну как?

---

[1] Из «Записей И-цзяня» об этом человеке известно, что он был родом из провинции Чжэцзян и в годы под девизом правления Шао-син (1131—1162) служил на должности помощника начальника области в Хунчжоу (Цзянси).

[2] Мера длины, около тридцати сантиметров.

[3] Гора Хэншань, одна из пяти священных гор Китая, провинция Хунань.

— Нет, не вишня! — отвечал слуга.

Три раза пробовал даос, и три раза слуга твердил свое.

— А, ты хочешь посмеяться надо мной! — с улыбкой сказал тогда даос. — Так я тебя проучу! — Он еще раз дунул слуге в рот, и глина превратилась в большую головку чеснока, и чесночный дух распространился вокруг, так что слуга уже не мог отрицать... Даос же, повернувшись к собравшимся, молвил:

— Этот человек долго надо мной издевался! Следует и вам, господа, убедиться в этом! — Ткнул пальцем в рот слуги и произнес: — Коровья лепешка, появись!

Только сказал, как нестерпимая вонь заполнила двор, слуга принялся неистово плеваться, кинулся за водой, стал полоскать рот. Все исполнились еще большего почтения к даосу.

Тот стал прощаться. Денег не взял, а выпил лишь несколько шэнов[1] простого вина и ушел. Кто он и откуда — так и осталось неизвестным.

Внук Дуна Хун Ин-сянь (Бан-чжи)[2] тогда жил в Шанъу вместе с дедом и сам все это видел. И мне рассказал.

Ван Ба-лан

Ван Ба-лан, богатей из уезда Биян, что в области Танчжоу, каждый год ездил с товарами в Цзянхуэй[3], и это давало ему большую прибыль. Там он, как говорится, связал свое сердце шелковой нитью с одной певичкой и, каждый раз после возвращения домой, к жене своей ничего кроме злобы не проявлял, мечтая выгнать ее вон. Жена же его, женщина умная, понимала, что это неизбежно. Из четырех дочерей, что она родила Вану, три уже были выданы замуж; четвертая же была еще слишком мала, и мать, боясь оставить ее одну в доме мужа, ласково стала его увещевать:

— Ведь я уж больше двадцати лет тебе жена, у наших замужних дочерей уже дети родились! Если ты выгонишь меня, куда же я пойду?

Из очередной своей поездки Ван вернулся вместе с той певичкой и поселил ее в гостинице, что в переулке по соседству. Жена же его за это время продала понемногу все ценные

---

[1] Мера объема, около литра.

[2] Некий дальний родственник Хун Мая, второе имя его было Ин-сянь; упоминается еще в нескольких рассказах из «Записей И-цзяня».

[3] Район нижнего течения Янцзя и Хуайхэ.

вещи, что были в доме, а выручку спрятала в свой сундук. Ван, придя домой, увидел это, еще больше разозлился и заорал:

— Не могу больше жить с тобой! Сегодня же расстанемся!

Жена ему на это отвечала:

— Раз такое дело, нельзя не сообщить властям!

Схватила мужа за полу халата и потащила в уездное управление. Там ей позволили считать себя свободной от этого брака и произвели раздел имущества между супругами. Ван хотел было забрать к себе и младшую дочь, но жена возразила:

— Нет, мой супруг — человек безо всякого воспитания! Он бросает жену для певички, и если отдать ему девочку, то она скоро тоже окажется среди певичек!

Уездный начальник признал разумность этих слов, присудил девочку женщине и всех отпустил.

Женщина с младшей дочерью поселились в другом месте. Женщина купила разные пузырьки и бутылочки и выставила их на воротах — как в доме торговцев.

Однажды бывший ее супруг проходил мимо и, вспомнив о былом, заговорил с ней:

— Ну какая от твоей торговли выгода? Почему бы тебе не заняться чем-то другим?

— Все, что было между нами, ныне кончено! — стала гнать его бывшая жена. — И ты теперь мне все равно что простой прохожий! Не лезь в мои дела!

С тех пор они больше не общались.

Когда же младшей дочери подошло время делать взрослую прическу, мать выдала ее замуж в семью Тянь из Фанчэна[1]. К этому времени накопления женщины составили целых сто тысяч связок монет. Все они достались Тяням.

А Ван так и жил со своей певичкой. Потом он умер в пути, где-то в Хуайнани. Через несколько лет после этого умерла и его бывшая жена. Дочь сделала ей временное захоронение — она переживала из-за того, что останки отца покоятся далеко от родины, и послала за ними, дабы похоронить вместе с телом матери. Отца и мать обмыли, обрядили и положили вместе — на одну лежанку, но только караульный немного вздремнул, как тела повернулись в разные стороны и спинами друг к другу! Повернули их обратно и переместили на ровное место, но вскоре тела снова оказались лежащими спиной друг к другу! Тогда родные до конца поняли, какие чувства владели супругами. При

---

[1] Город, располагался в той же области, севернее Бияна.

жизни они расстались и после смерти продолжали сердиться друг на друга. Но похоронили их тем не менее в одном склепе.

Безногая девушка

Гуань Цзы-дун[1] рассказывал, что когда его старший брат служил на должности боши[2] в столице, то однажды на рынке увидел нищенку, одетую в рванье, грязную, без обеих ног — она передвигалась с помощью рук, — но удивительной красоты. Некий придворный, исполнившись к девушке сочувствия, остановил коня и спросил:

— А что, родители у тебя есть?

— Нет, — был ответ.

— Ну а муж, родные?

— Нет.

— А шить и штопать ты умеешь?

— Умею, и очень хорошо.

— Ну так чем так клянчить и страдать, не лучше ли тебе пойти к кому-нибудь в наложницы?

Горестно нахмурив брови, нищенка со вздохом отвечала:

— С моим увечьем я и себя-то не могу прокормить! А ведь служанка должна работать еще и для хозяина, кто же станет кормить ее просто так? Кому я такая нужна!

Придворный, вернувшись домой, рассказал обо всем этом своей супруге, и та тоже исполнилась жалости к нищенке. Они взяли девушку к себе в дом, вымыли ее, дали новое платье, накормили и напоили. Потом поручили ей шитье, и когда она справилась с довольно трудной работой, не могли налюбоваться. Вскоре придворный вступил с ней в близость.

Так прошел год с небольшим.

Однажды придворный отправился в храм Сянгосы[3]. Там ему повстречался даос.

— В вас силен нечистый дух! Почему бы это? — воскликнул он. Сочтя болтовню даоса за вздор, придворный рассердился и ничего не ответил. Но на другой день на дороге ему опять попался тот же даос.

---

[1] Гуань Чжу, второе имя Цзы-дун, упоминается в «Записях И-цзяня» пять раз; про него известно, что его отца звали Гуань Цзин-жэнь, а младшего брата — Гуань Цзы-кай; Гуань Чжу был родом из Ханчжоу.

[2] Букв: «муж обширных знаний». Должность в придворной академии Ханьлинь-юань.

[3] Крупнейший буддийский храм столицы, один из буддийских центров страны; также один из центров столичных праздничных увеселений.

— Времени у вас совсем нет! — сказал он. — Коли сейчас вы мне все не расскажете, я не смогу помочь... Нет ли у вас в доме какой-нибудь старой вещи — вроде треножника с отломанной ножкой?

— Нет! — бросил придворный, но даос спрашивал так неотступно, что он, не будучи более в силах таиться, рассказал о своей новой наложнице.

— Это она, она! — воскликнул даос. — Надо вам скорей бежать. Завтра же седлайте коня и скачите без остановки прочь — за сто ли отсюда. Может, она не сумеет вас догнать. Силы ее прибывают к вечеру, поэтому там, где вы остановитесь на ночлег, накрепко заприте двери и, если услышите ночью стук, ни за что не открывайте! Так, может, спасетесь. А иначе помочь нельзя!

Придворный пришел в испуг. Потом, ничего не говоря домашним, одолжил коня и целый день скакал прочь во весь опор.

Когда спустился вечер, он остановился на придорожном постоялом дворе. Не успел войти и расположиться на отдых, как по дороге заклубилась пыль, показались знамена, и на черном коне подъехал к тому же постоялому двору какой-то молодец. Отвесив придворному поклон, он уселся и знаком потребовал себе помещение как раз напротив того, где остановился придворный. За все время молодец этот и слова не произнес. Придворный в ужасе запер дверь, не смея сомкнуть веки...

Стояла уже глубокая ночь, когда придворный услышал за дверью полный страдания голос:

— В вашем, господин, доме случилось большое несчастье, и меня послали к вам с письмом.

Придворный прильнул к щели и в свете еще горевшей лампы разглядел свою безногую наложницу: стоит, опираясь на два крыла, а крылья — черные. Придворного охватил такой страх, что пот полил с него как дождь. Тут вдруг распахнулась дверь напротив, вышел давешний молодец. Выхватил меч, стал рубить наложницу, и та с протяжным свистом умчалась.

Наутро придворный вскочил и кинулся к соседу. Бия поклоны, стал благодарить:

— Если бы не вы, уж и не знаю, что со мною было бы! Осмелюсь спросить, кто вы такой?

— Неужели вы меня не узнаете? — отвечал молодец. — Я — тот самый даос, что предупредил вас в Сянгосы, я — дух вашей звезды. Всю жизнь вы были почтительны ко мне, вот я и пришел помочь вам.

Сказал и исчез, а вместе с ним — свита и лошади...

Удивительная встреча

На исходе зимы третьего года под девизом правления Цин-юань буддийский монах Фа-цзин из храма, что в восточной части Фуляна, велев мальчику-послушнику захватить охапку рисовой мякины, направился окучивать и утеплять стволы и корни чайных кустов. В глубине рощи он заприметил красивую девушку — в возрасте, когда волосы еще не укладывают во взрослую прическу[1], в длинной юбке, с большим шиньоном, в роскошных одеждах. За девушкой следовали две служаночки, тоже очень красивые. Хихикая и перешептываясь, они подошли к Фа-цзину. Девушка, подобрав рукава, совершила приветственный поклон и пожелала Фа-цзину всего самого наилучшего. Фа-цзин учтиво отвечал, а про себя подумал: «Тут кругом нигде нет человеческого жилья, только в лощине у подножья горы, может, и живут две-три семьи — так эти люди ходят в грубой одежде и безобразны. Откуда здесь взяться таким чудесным красавицам? А что, если это— злобные оборотни? Нельзя позволить им заморочить мне голову!» И, рассудив так, Фа-цзин спрятал руки в рукава, стал перебирать там четки и принялся читать сутры, причем громовым голосом, дабы устрашить оборотней.

Девушка звонко рассмеялась и сказала Фа-цзину с укором:

— Да ты, монах, шутник! Читай ты эти заклинания хоть сто тысяч раз подряд — что в том пользы! Я ведь не душа умершей, чего же мне бояться?

— Да что ты за нечисть такая, что залезла в наши чайные посадки и смущаешь-завлекаешь тут своей прелестью?! — крикнул на нее Фа-цзин. — Я — буддийский монах, ношу подобающее одеяние, дни провожу в чтении сутр, соблюдаю посты, совершенствуюсь и очищаю душу — ни умершие, ни злые оборотни мне повредить не могут! А ну, быстро убирайся прочь!

— Вы и вправду достойный человек, — отвечала ему девушка. — Я вышла со служанками из дома, заблудилась и сюда забрела случайно. Окажите милость, господин монах, укажите мне обратный путь. Вы осенены таким благополучием, что вам не повредит никакая нечисть!

Фа-цзин показал им выход через левую сторону, и дева, поблагодарив, сказала:

---

[1] Т. е. не достигшую еще совершеннолетия (пятнадцати лет).

— А ведь случайно очутиться у Персикового Источника[1], оказывается, так просто! — И тут же вместе со служанками бросилась в заросли трав, не обращая внимания на колючки терновника. Через мгновение все три девушки превратились в лисиц и страшно завыли. Фа-цзин в полном экстазе дико вскрикнул, ухватил послушника за руку и бросился бежать. Примчался в свою келью и упал ничком. Несколько дней после этого на сердце у него было неспокойно.

Сунь У-гэ

У Сун Юя, происходившего из местности Чжэн, был дядя по фамилии Ван. Когда Юю исполнилось восемнадцать или девятнадцать лет, он побывал в доме у дяди и случайно повстречал там его дочь — ее звали Чжэнь-чжэнь. Сразу полюбив друг друга, Юй и Чжэнь-чжэнь уговорились пожениться.

Вернувшись домой, Юй стал тосковать по Чжэнь-чжэнь. Тут как раз к ним в дом стали являться свахи, и мать стала выспрашивать, каковы намерения Юя.

— О, коли думы твои о Чжэнь-чжэнь, то я довольна! — обрадовалась она. Мать Юя души не чаяла в этой девушке. Она тут же отправилась к своему старшему брату.

— У меня уже есть несколько зятьев и все они чиновники! — отвечал Ван. — Только племянник мой еще не на службе. Вот если он выдержит экзамены на родине[2], тогда отдам за него дочку!

Юй и без того любил учение, а с этого времени принялся заниматься еще усерднее. Два раза он участвовал в экзаменах в Гусу, но безуспешно.

Чжэнь-чжэнь тем временем стала совсем взрослая, и больше сидеть в девушках ей было нельзя. Родители дали согласие на сватовство сына шаобао[3] Чжао Ми[4].

---

[1] Намек на поэму Тао Юань-мина о том, как рыбак случайно оказался у Персикового Источника — обители бессмертных, и какую благодатную жизнь он там увидел.

[2] Для занятия вакантного чиновничьего поста в старом Китае следовало принять участие в экзаменах трех ступеней, первая из которых проходила в родной области кандидатов. Экзамены проводились раз в три года.

[3] Должность министерского ранга, была учреждена в 1112 г.

[4] Чжао Ми (1095—1165) второе имя Вэй-шу, сунский сановник и военачальник, в 1164 году был назначен на пост *шаобао*.

Тут старшему брату Юя пришел приказ отправляться в Линьань, и дядя задал по этому случаю пир. Чжэнь-чжэнь, улучив момент, со слезами шепнула Юю:

— Я уже принадлежу другому, наше дело с вами не сладится!

Юй не стал там больше задерживаться и направился в свое прежнее жилище в уезде Куньшань. В дороге он повстречал некого воина и пригласил его на свою лодку в попутчики.

— Правду ли болтают в свете, что от тоски можно слечь больным? — спросил попутчика Юй. — Я все эти дни какой-то вялый, будто что-то потерял, а в груди так болит, будто сердце разрезали! Это доведет меня до смерти!

Воин некоторое время пытался его утешить, а потом с досадливой усмешкой сказал:

— Вы еще так молоды, у вас любящие родители, и вдруг — такая неодолимая любовь! Не будут ли над вами насмехаться друзья и родственники?

Когда они приехали в дом Юя, тот поместил воина в комнате для гостей, а сам лег спать в комнате матери. Вдруг среди ночи Юй вбежал к гостю, разбудил его и говорит:

— Только смежил я веки, заснуть еще не успел, как слышу — кто-то зовет меня: У-гэ[1]! Гляжу, а это Чжэнь-чжэнь! И исчезла под кроватью! Как теперь быть? Ума не приложу, что это за предзнаменование?

Воин погостил у Юя еще дней десять.

Позже, проезжая через Линьань, воин узнал, что как раз в то время Чжэнь-чжэнь совершила свадебный обряд с молодым Чжао. Вечером, во время праздничного пира, она вдруг увидела, что неподалеку от нее кто-то стоит. «У-гэ, как вы здесь?» — в испуге спросила она. После этого случая Чжэнь-чжэнь слегла. Лишь спустя месяц ей стало немного лучше.

В это же самое время недуг охватил и Юя. Он исхудал так, что остались лишь обтянутые кожей кости. Вместе с матерью он отправился в Гусу к врачу. Когда они подошли к городским воротам, Юй сказал матери:

— В моей болезни самое наихудшее — рвота и кровохарканье. Если только они начнутся, значит, мне уж определенно не выжить!

Только сказал, и ему сделалось дурно. Юя вырвало большим количеством свежей крови, и он умер.

---

[1] «Пятый брат». Видимо, детское, домашнее имя Юя.

А ведь в тот вечер, когда Чжэнь-чжэнь видела Юя на пиру, он был еще в добром здравии! Не иначе как души его хунь и по[1] уже расстались друг с другом.

Рассуждения о будущих рождениях слишком туманны, и неизвестно, что ждет там — любовь или ненависть. Эта история хороша, потому я и записал ее в назидание.

Чжэнь-чжэнь жива и поныне.

---

[1] По традиционным китайским представлениям, духовная субстанция человека состоит из двух частей — светлой духовной *хунь*, и темной телесной *по*; во время тяжелой болезни душа *хунь* может покинуть тело (и человек тогда теряет сознание) и перенестись куда-нибудь, что и произошло в случае с нашими влюбленными. Когда обе души расстаются с телом, наступает смерть.

Юань Хао-вэнь

«Продолжение записей И-цзяня»

Драгоценность из хранилища в Чжэнь

Чжаоский ван выплавил пилюли [вечной жизни], но не успел принять их, и пилюли хранились на [казенных] складах областного города Чжэньчжоу более трехсот лет.

В начале годов правления под девизом Чжэнь-ю главнокомандующий Чжэньдина Саньси оставил город и пилюли забрал с собой. Прибыл в Пинъян, тут на него подал жалобу Сюй Шэнь-гун[1] и отобрал пилюли. Пилюли доставили в Бяньцзин и поместили в хранилище Фэнъяньку, присвоив им наименование Чжэнькубао («Драгоценность из хранилища в Чжэнь»).

После того как столичный город подвергся разрушению, я вместе с начальником канцелярии Ведомства налогов Лю Яньцином отправился взглянуть на пилюли. Они хранились в лакированном ларце, [стоявшем] рядом с изображением Гуан Чэн-цзы[2], отвечающим на вопросы о Дао-Пути. Внутри ларца стояла еще одна лакированная коробка — высотою в пять цуней, а шириною в три цуня. На крышке коробки было девять колец — восемь по бокам и одно в центре, позолоченные, узорчатые, в середине каждого небольшое отверстие. Я решил, что они девятикратно очищены золотом... В ларце помещалась еще серебряная коробка, в которой и лежали пилюли. На крышке ее был вырезан Будда, и слева от его трона — дракон, а справа — феникс. Все это — тоже вызолоченное.

---

[1] Речь, видимо, идет о цзиньском вельможе и военачальнике Сюй Чи-го, второе имя которого было Бин-цзюнь. При цзиньском императоре Сюань-цзуне (на троне с 1213 по 1224 г.) Сюй занимал пост первого министра в Управлении Ведомств.

[2] Гуан Чэн-цзы — один из восьми даосских бессмертных. По преданию, жил еще во времена легендарного императора Хуан-ди в каменной пещере, и сам Хуан-ди обращался к нему за разъяснением искусства овладения сокровенным Дао. Гуан Чэн-цзы передал Хуан-ди «Трактат о естественности» («Цзы жань цзин»).

Мы открыли коробку и увидели снадобье. По форме оно было как обычные пилюли, но гораздо легче. По цвету — как лак из кожуры жужуба. Пилюли были сплошь покрыты трещинками. Совсем не похожи на нынешние снадобья! Мне эти пилюли не показались чем-то удивительным, и я спросил управляющего хранилищем:

— Ну, и что в них особенного?

— Ничего, — отвечал тот. — За исключением того, что темной ночью пилюли эти испускают удивительное сияние, будто огонь загорается. Вот и все.

В год жэнь-чэнь я сам это видел.

Золотой лев

В начале годов правления под девизом Чжэн-да Чжан Шэнюй гостил у знакомых, живших в северной части уездного города Уян. Однажды служанка из того дома купила у охотника говяжью почку. Стала резать — нож не берет! Расковыряла, глядь — а там камень! По форме — лев цвета грязного золота. Одна лапа выставлена вперед, другая выгнута как изголовье, и лев будто на ней спит. По ночам тот лев светился. Высоты в нем было два цуня с небольшим. Стоило взять его в руки, как появлялся удивительный аромат. Невестка Шэн-юя по фамилии У забрала льва себе. Неизвестно, сохранился ли он до сего дня. (По рассказу Шэн-юя.)

Кан и Ли получают во сне предсказания

Кан Бо-лу и Ли Цинь-шу зимой в двенадцатую луну года жэнь-чэнь отправились с инспекцией в Хэчжун. Город тогда еще не был захвачен.

В один прекрасный день Кан и Ли решили обратиться во сне к духу города[1]. Бо-лу приснилось, что город разрушен, а сам он во время сражения упал с лодки в воду, и его оттуда вытащила красавица в парчовой одежде. Только она его вытащила, как перед глазами у Бо-лу зарябили персиковые цветы...

---

[1] Способ гадания, когда совершались жертвоприношения, ритуальное омовение, возжигание благовоний, после чего сжигался текст молитвенного обращения к божеству (в данном случае — *чэнхуану*, богу города) с просьбой предсказать будущее. После этого ложились спать, и явившееся сновидение толковалось как знак, поданный божеством в ответ на молитву и жертвы.

А Цинь-шу приснились люди с персиковыми талисманами в руках[1]. На талисманах было написано: «Непременно доживет до нового года» и «Судьба сулит богатство и знатность».

На следующий год город пал. Бо-лу в сражении не удержался на лодке, упал в воду и утонул. Ли же удалось добраться до уезда Шэньсянь. Через три или четыре дня наступил праздник нового года, и начальник уезда Шэньсянь Ян Чжэн-цин прислал Ли в подарок персиковые талисманы. Надписи на них полностью совпадали с теми, что Ли видел во сне! (Рассказал Чжэн-цин.)

Дева Бао выходит замуж

Передают, что Бао Си-жэнь[2] за свою беспристрастную справедливость после смерти был назначен начальником Управы Немедленного Воздаяния на Восточном пике. Простые люди — жители гор и равнин — все до одного об этом знают.

Осенью года гэн-цзы Тайань Цзе из военного похода на юг привез пленную женщину. Он говорил, что это внучка Си-жэня. Женщина обладала редкой красотой, и из веселых домов хозяину предлагали за нее большие деньги, но женщина не соглашалась, угрожая самоубийством. Тогда хозяин, заботясь о своей выгоде, приказал сильнейшим образом бить ее батогами, и женщина слегла. Соседи лишь вздыхали в сочувствии, но помочь ничем не могли.

Неподалеку жила одна шаманка.

— Я могу помочь этой женщине найти достойного супруга! — сказала она. Шаманка явилась к хозяину женщины, закрыла глаза, стала тяжело дышать и долго корчилась, изображая, как в нее входит дух. Вдруг — с закрытыми же глазами окликнула хозяина по имени и начала поносить его бранными словами. Хозяин возжег благовония и пал ниц, прося прощения и спрашивая, чем он обидел достоуважаемого духа. Шаманка опять разразилась ругательствами.

— Я начальник Управы Немедленного Воздаяния, так как же ты посмел делать внучку мою певичкой?! — орала шаман-

---

[1] Речь идет о табличках из персикового дерева, которые дарились обычно по случаю Нового года. На табличках делались благопожелательные надписи.

[2] Бао Чжэн (999—1062), сунский чиновник, прославившийся справедливостью и прозорливой мудростью в ведении уголовных дел. Герой многочисленных романов, пьес, новелл и других произведений.

ка. — Даю тебе десять дней! Если в этот срок ты не выдашь ее замуж за достойного человека, уничтожу весь твой дом!

Хозяин не переставал кланяться. Через несколько дней выдал ее замуж.

Супруги по фамилии Жэнь

Говорят, что в деревне Шацунь в Динсяне, где жил Фань Шуай[1], жили Жэнь Ши-цзи и его жена, госпожа Чжан. Оба были в возрасте семидесяти трех лет. Они родились в один день одного месяца и одного года, а умерли тоже в один день одного месяца и одного года. Никогда такого не бывало!

Юный Чжан попадает в загробный мир

В селе Ханьтоуцунь, что к югу от Пинъюэ, жил некий Чжан Лао. Он зарабатывал на жизнь ловлей перепелов и потому его прозвали Аньчунь (Перепел). Лао уже состарился, а у него был только один сын. И вот сын умер совсем мальчиком! Лао и его жена, скорбя о том, что в старости у них не будет в жизни опоры, голосили без перерыва, горевали чуть ли не до смерти. Утром собрались хоронить сына, и снова не могли сдержать свое горе. Сложили из кирпичей холмик, прокопали на глубину двух чи с чем-то, как вдруг Лао сказал:

— Наш мальчик оживет!

Люди посмеялись, думая, что он помешался, но были и такие, которые жалели Лао.

Через три дня Лао с женой пришли на могилу сына и снова стали безутешно рыдать. Вдруг слышат — в могиле кто-то стонет!

— Ой, к нашему мальчику и впрямь вернулась душа! — в испуге сказала жена Лао. Они тут же разобрали кирпичи, открыли гроб и унесли мальчика домой. Стали кормить его бульоном да жидкой кашицей. Спустя долгое время он, наконец, смог говорить.

— Сперва, когда меня отвели в загробное управление, я стал с плачем жаловаться начальнику: «Сжальтесь! Родители мои совсем старые! Умоляю вас, позвольте [мне прожить с ними] их последние годы, совершить положенную церемонию похорон! А уж тогда я и умру безо всякого сожаления!» Загробные

---

[1] Приятель Юань Хао-вэня; в своей книге Юань Хао-вэнь часто ссылается на него как на источник информации.

чиновники пожалели меня. «Ладно, — сказали они. — Мы тебя отпускаем, но скажи своему отцу, чтобы оставил ловлю птиц. Тогда жизнь твою можно будет продлить!»

Лао, услышав слова, тут же сжег все принадлежности для ловли, а мальчика повел в буддийский храм совершить поклонение Будде.

В храме жил монах по фамилии Люй. Ему еще не было сорока лет, но внешностью Люй обладал очень внушительной. Когда-то он был в той области торговцем. Мальчик, увидев его, подошел и спросил:

— А к вам, наставник, тоже вернулась душа?

— Да разве я умирал?! — удивился Люй.

— Когда меня привели в загробное царство на допрос, — стал рассказывать мальчик, — я видел вас, наставник, — вы были привязаны железной веревкой к медному столбу в углу зала. К вам подходили солдаты и били вас палками под мышки. Все было в льющейся крови! А когда меня вели обратно, я спросил тюремщика: «За какое преступление так наказывают наставника Люя?» «При чтении сутр настоятеля он позволял себе много вольностей, за это и наказывают», — был ответ.

Услышав все это, Люй пришел в ужас — ведь уже три года его мучали гнойные нарывы под мышками! Мальчик же этого не знал. Люй тут же затворился в келье и полностью посвятил себя заучиванию сутр наизусть. Через три года нарывы прошли. (Начальник уезда Чжао видел это своими глазами.)

Цветы, выросшие на мече

В год синь-чоу в кумирне Гуань-хоу[1], что в Цзиюане, на большом мече вдруг выросло десять с чем-то цветов! Стебли у них были длиной в палец, тонкие, как волоски, нежно-зеленого цвета, оканчивались белыми цветочками — чуть больше просяного зернышка. Мне рассказал об этом сын Ли Цина Ли Чжэнфу, с которым мы как-то вместе заночевали.

Рожает дракона

В деревне Вэйбоцунь в Пиндине одна женщина по имени Ма Шу-бо пятидесяти с лишним лет отроду забеременела и но-

[1] Гуань Юй, легендарный герой времен Троецарствия (220—280), позже обожествленный в качестве бога войны.

сила ребенка во чреве больше шести лет. Летом года и-сы она родила дракона. Власти стали выяснять, почему так случилось. Женщина рассказала, что когда она проносила ребенка уже три или четыре года, а он все не родился, муж ее, уездный секретарь Цао, боясь, как бы плод не оказался необычайным существом, прогнал ее из дома. А уже незадолго до родов вдруг появились какие-то люди, выстроились перед женщиной, как чиновники в управлении, один вышел вперед и доложил:

— Вы пребываете тут уже несколько лет. Сегодня следует уходить. А на будущий год ваша матушка повеселится!

Тут люди в белой одежде взяли женщину под руки и повели, ей стало дурно, и она перестала узнавать окружающих. Прошло много времени, прежде чем она очнулась. Окружающие рассказали, что в густом мраке послышались три раската грома, дракон вылетел из чрева женщины, и беременности будто не бывало!

Удивительное правление Сяо Бяня

В годы правления под девизом Чжэнь-ю Сяо Бянь был назначен в Шоучжоу. В один прекрасный день он возвращался из Янцзиня после инспекционной поездки. Вдруг прямо перед лошадью на дорогу выскочила желтая собака: она виляла хвостом, как домашняя. Собака побежала впереди, все время оглядываясь на Бяня и будто приглашая его ехать следом. Бянь послал за собакой двух солдат. Собака прибежала к пересохшему колодцу на берегу реки Сихэ[1] и, свесив голову, стала смотреть в него. Солдаты подошли и тоже заглянули внутрь. На краю были следы крови, а на дне — труп! Они тогда поспешили доложить Бяню, Бянь велел позвать владельца земли, на которой находился колодец, и взять его под стражу. Собака же привела в город, остановилась у одного постоялого двора и стала лаять без остановки, словно жалуясь на что-то. Бянь позвал к себе хозяина двора. Хозяин собаку опознал и сказал, что она принадлежала его постояльцу по фамилии Чжу. За несколько дней до этого Чжу нанял лодку и отправился по Сихэ, и эта собака была тогда с ним. Но почему сегодня она вернулась одна?

Тогда Бянь велел доставить к нему лодочников. Когда всех собрали в уездном управлении, Бянь велел хозяину постоялого двора указать нужного. Хозяин показал, лодочника спро-

[1] Старое название верхнего течения р. Хуанхэ.

сили, где Чжу. К пыткам, однако, прибегать не пришлось, так как лодочник сам во всем сознался.

А вот еще: некий Чжоу Ли собирал хворост у храма Сисиньсы, что в Синьчжоу, и его сожрал тигр. Жена Чжоу, рыдая, пожаловалась Бяню.

— Я поеду с тобой! — сказал Бянь. Он взял с собой около десятка юношей-прислужников, и они поскакали к храму. В зарослях они увидели прячущегося злобного тигра. Вдруг тигр выбежал на дорогу, словно его заставили это сделать духи. Бянь выстрелил из лука, попал тигру в брюхо, и тигра изловили. (Рассказал уездный казначей Фань Чжэн-чжи.)

Могила Цзин-нян

Отца Ванцзун Юань-лао, служившего провинциальным продовольственным эмиссаром, звали Чу, и он занимал пост начальника Пиншаня. Тогда Юань-лао было двадцать с небольшим лет, и он впервые держал экзамен. Занимался Юань-лао в саду за зданием уездного управления.

Однажды вечером он бродил среди цветов и камней и встретил девушку. Спросил, как ее фамилия.

— Я дочь прежнего начальника Яна, — отвечала девушка.

Юань-лао она приглянулась, и он стал заигрывать с ней. Девушка не выказывала недовольства и улыбалась. Тогда Юань-лао слился с ней в близости.

На другой день был праздник холодной пищи[1]. Юань-лао позвал друзей, и они затеяли игру в мяч на пустыре в западной части сада. Кто-то из слуг указал Юань-лао на развалины могилы Цзин-нян. Юань-лао спросил, кто она такая, и один из приятелей отвечал:

— Это дочь прежнего правителя уезда господина Яна. Второе имя у нее было Цзин-нян. Умерла в том возрасте, когда начинают укладывать волосы в прическу. Здесь ее и похоронили.

Когда Юань-лао услышал про дочь начальника Яна, в сердце ему закралось подозрение. Он вернулся домой и уселся в своем кабинете. Через мгновение пришла и девушка — прелестная и стройная. Только хотела войти, но вдруг остановилась и говорит:

---

[1] «Праздник холодной пищи» (*ханьши*) отмечался сразу после праздника «Чистого света» (*цинмин*), в этот день запрещалось разводить огонь; ели пищу, приготовленную накануне.

— Теперь вы, конечно, все обо мне знаете. Что уж тут скажешь! У темного и светлого разные пути, и мне трудно долго задерживаться тут... Уже подошел срок экзаменов. Вы, господин, их непременно выдержите. Правда, этому есть кое-какие маленькие препятствия, так что даже если вы и заболеете, то превозмогите болезнь и отправляйтесь в путь. А мы с вами увидимся на берегу Ляохэ.

Сказала и ушла.

Вскоре Юань-лао заболел, и родители не разрешили ему ехать на экзамены. Через месяц с небольшим ему стало получше, и юноша стал настойчиво проситься ехать. Его положили в повозку. Подъехали к Ляохэ. Из-за дождя дорога превратилась в жидкую грязь, и повозка проехать никак не могла. Все попутчики поехали дальше, нахлестывая коней, а у повозки Юань-лао, протащившейся в одиночестве несколько ли, сломалась ось. Юань-лао впал в уныние, не зная, что делать. Вдруг появился крестьянин с топором за поясом. Юань-лао окликнул его, оказалось — плотник.

— Здесь кругом на двести ли нет человеческого жилья, а вот встретили плотника! Ну не помощь ли это из загробного мира! — радостно произнес Юань-лао.

Ось починили, и уже можно было ехать дальше, как показалась еще одна повозка, и в ней — Цзин-нян.

— Ты как здесь оказалась?! — в радостном изумлении спросил Юань-лао.

— А вы разве не помните моих слов о встрече на берегу Ляохэ? Я узнала, что вы попали в беду, вот и приехала помочь! — отвечала дева.

— А можно узнать, что ждет меня впереди?

Тогда Цзин-нян поднялась к нему в повозку и сказала:

— Министр!

Через несколько дней Юань-лао добрался до столицы и выдержал экзамен. В годы правления под девизом Мин-чан он служил на должности налогового эмиссара, потом был смотрителем императорского храма предков; а позже был назначен на пост начальника Ведомства чинов. После этого прошло несколько дней и Юань-лао почил.

Дух валит дерево

Однажды в конце годов под девизом правления Син-дин в Цаочжоу некий крестьянин шел по дороге, как вдруг хлынул ливень. Откуда-то послышался голос:

— Сумеет ли? — И тут же раздался хохот.

Крестьянин прошел еще пол-ли, видит — слева у дороги торчат корни поваленной огромной ивы, и в десятке шагов от нее в грязи остались отпечатки чьего-то зада. Видно, это дух, вырвав дерево, плюхнулся тут с хохотом в грязь.

Душа утопленника

В Цзэчжоу жил один лекарь-иглоукалыватель. Однажды, приняв всех больных, он сел читать трактат по иглоукалыванию, как вдруг услышал голоса на берегу реки:

— Завтра я получу замену! — радостно сказал один голос.

Его спросили, о ком идет речь.

— Завтра из Чжэньдина придет один солдат, у него в руках будет зонт и связка книг. Солдат станет купаться в реке, тут я и получу замену!

Лекарь выбежал за ворота — никого! Тогда он понял, что это были души умерших!

Назавтра лекарь встал у ворот и стал ждать. После завтрака появился какой-то солдат. Оставив у лекаря зонт и книги, он сказал:

— Пойду, искупаюсь в реке.

Лекарь стал его расспрашивать, и оказалось, что солдат идет из Чжэньдина. Тогда лекарь сказал, что в городе есть баня, и пригласил солдата за его счет составить компанию, — что называется, потереть спину. Солдат удивился, и тогда лекарь ему рассказал о том, что слышал накануне. Солдат трижды поблагодарил лекаря и поспешно ушел.

А ночью после второй стражи в ворота дома лекаря вдруг полетела черепица.

— Я с таким трудом нашел себе замену, а ты, разбойник, все испортил! — слышалась громкая ругань. — Клянусь, утоплю тебя!

Когда рассвело, лекарь нашел у ворот целую кучу черепицы и камней. Так продолжалось несколько вечеров кряду, и лекарь, ища спасения, переехал в другое место. (Рассказал Цзяо Фу-сунь с Мишуя.)

Ян Дун-вэй

Второе имя даоса Ян Гу из Дайчжоу было Дун-вэй. Он уединенно жил на горе Хуашань[1]. Люди отзывались о нем как о человеке изысканных манер, высоконравственные поступки которого были выше всяких похвал. За всю жизнь Ян не совершил ничего дурного! Ян досконально знал «Чжуан-цзы» и «И цзин», за что его и прозвали Наставник Чжуан-цзы-Ян.

В годы под девизом правления Мин-чан Ян был высочайшим указом призван ко двору. Для жительства ему отвели скит Тяньчангуань, но через самое короткое время Ян вернулся в горы. Перед тем как отправиться обратно, он сидел в харчевне на рынке с неким Хоу из того же скита. Несколько раз написав на столе иероглиф «огонь», Ян сказал Хоу:

— Вчера я был в Вочжоу, слышал там, что ваша, сударь, матушка заболела. Надо бы вам поторопиться домой!

Хоу поверил и поспешно отправился. Но приехав в Вочжоу, застал мать в полном здравии.

— Зачем же он обманул меня?! — стал кричать Хоу. Поехал назад, на север, а [за это время] скит Тянчангуань, оказывается, сгорел!

В другой раз Ян прогуливался с одним человеком по берегу ключа Байгуйцюань, что на горе Суншань. Из воды вылез каменный краб.

— Краб ползает боком, такова, видно, его природа! — сказал спутник Яна.

— Это существо действительно передвигается боком. Стыдится, что не похоже на человека! — отвечал Ян. Указал на краба рукой, и тот вдруг побежал прямо!

На склоне лет Ян, очарованный красотою гор в Чжунфане, гаданием выбрал место и поселился там. А в Чжунфане издавна не было источников воды, и ее доставляли издалека с большими затруднениями.

— Здесь такие прекрасные горы, не может быть, чтобы не было ключей! — сказал Ян.

Выдержав пост, совершив омовение, Ян вознес молитву духам и стал гадать. Выпало счастливое предзнаменование. А была как раз десятая луна, и рядом с хижиной Яна вдруг пышно расцвел подсолнух.

---

[1] Одна из священных гор Китая, располагается в восточной части провинции Шаньси, на юге уезда Хуаньсянь. Гора славится многочисленными достопримечательностями.

— Если вместо иероглифа «гуй»[1] прочитать «куй» (подсолнечник), то это и будет счастливая примета для воды! — обрадовался Ян.

И он во главе толпы даосов отправился на поиски. Смотрят — среди деревьев в углу у скалы вроде бы слегка проступает вода. Стали копать и действительно нашли источник, наверное, на несколько сотен пальцев в ширину!

Но с восточной стороны ключ обрывался, на юге стеной стояли крутые горы, вздымались обрывистые каменные стены, так что в эту сторону можно было сделать едва ли сто шагов. Тогда Ян со своим учеником Люй Цзэ-бэем проложил по краю обрыва дощатые мостки для того, чтобы к источнику можно было пройти. Позже люди, сочтя, что деревянные мостки могут легко прогнить и потом рухнуть, вырубили в стене куски камня и обтесали камень так, что получилась лестница, а сам источник облицевали в пруд. С тех пор в Чжуанфане больше не заботились о воде. И до наших дней этот источник называют «Ключ господина Яна!» Цзянь-цзянь тоже сделал в своих заметках запись об этом источнике.

А вот еще: мой друг Фань Жу-цзинь (второе имя Цин-жун), человек, склонный к учению о дао, как-то путешествовал вместе с Яном. Наставник Ян совершенно очаровал Фаня!

— Таких, как Ян Дун-вэй, следует искать среди древних! — говорил Фань.

А Цзянь-цзянь впоследствии, проезжая по Хуанчжоу, так вспоминал о Яне:

Когда несколько лет назад я ночевал на вершине Юньтай,
То наставник Ян тогда на горе Хуаншань жил.
Ныне я взошел на вершину годы Биюньфэн,
А он, журавля оседлав, в мир людей спустился, наверно!

Так он выражал свое восхищение.

Лю Чжи-цзюнь встречает необычайного человека

Луньшаньский Лю Чжун-цзюнь (второе имя Чжи-цзюнь) двадцати лет отроду, что называется, не ценил диковинки, а довольствовался простым и выдержал государственные экзамены. Тут он, как говорится, сбросил грубую одежду и был реко-

---

[1] «Гуй» — десятый циклический знак, означающий стихию воды. Иероглиф «куй» (подсолнечник) отличается от него лишь ключом «трава».

мендован на пост помощника начальника уезда в столичный округ.

Однажды рано утром он, совершая дозорный объезд, заехал в горный буддийский храм и там на стене увидел стихи:

Ветер со свистом кучи листьев ворошит,
У изголовья пустого вихрь завывает холодный.
Все не летит дикий аист, грустно светит луна,
Глаз не смыкаю, один осенней ночью наслаждаюсь.

Чжун-цзюнь стал спрашивать, кто написал эти строки.

— Прошлой ночью тут заночевал путник, лет, наверное, больше шестидесяти. Одет он был в богатое платье — удивительное и необычайное! А сегодня перед уходом написал эти стихи. Тушь еще не просохла, должно быть, он далеко не успел уйти, — отвечали ему.

Чжи-цзюнь тут же послал по следам арбалетчика. Вскоре солдат вернулся и доложил:

— Тот человек ждет господина под большим деревом в горах!

Чжи-цзюнь, взяв вина, пошел к нему. Подойдя, почтительно приветствовал поклонами, и путник ответил Чжи-Цзюню соответствующим образом. Чжи-цзюнь спросил, как его имя, но путник не ответил. Тогда Чжи-цзюнь указал на вино и предложил пить. Увидев, какой непринужденностью отличаются манеры этого человека, Чжи-цзюнь понял, что перед ним существо необычайное, и тут же стал рассказывать ему обо всем необычайном, что было с ним в жизни. Завязался оживленный разговор, и Чжи-цзюнь узнал много такого, о чем еще и не слыхивал. Путник одобрительно сказал, что с Чжи-цзюнем вполне можно беседовать, потом поднял чашу и, наполнив ее до краев, велел пить также и сопровождавшим Чжи-цзюня солдатам... Когда день клонился к закату, Чжи-цзюнь и все его солдаты были совершенно пьяны. А когда протрезвели — путника уже нигде не было!

После этого случая Чжи-цзюнь достиг больших успехов в изучении стихов. Обо всем этом мне рассказал внук Чжи-цзюня по линии его дочери придворный академик Ли Цинь-шу.

Превращение духов в Цзицзэ

Пять крестьян из Цзицзэ сговорились вместе пойти собирать хворост. Вышли за ворота поселка, видят — дует свирепейший западный ветер. Крестьяне замялись, потеряв желание ид-

ти дальше, и только один из них, старик, решился, а четверо повернули домой. Старик в одиночестве шел, высматривая хворост, как вдруг сильный ветер нагнал таких туч, что не стало видно солнца. Старик заплутался и упал в придорожную канаву. Тут его кто-то подхватил и повлек с собою. Они летели по воздуху. Старик посмотрел — а кругом все духи! Так они достигли какого-то города.

— Это Чаочэн, — сказал старику один дух.

Они направились дальше на восток. У дороги стоял человек с длинной бородой, он кланялся и приглашал выпить вина. Духи и старик вошли в какую-то кумирню, а бородатый остался за воротами. Потом духи крикнули ему, чтобы нес вино. Старик разглядел, что все духи ростом более чем в чжан, и некоторые похожи на души умерших, а некоторые — совсем как люди. Все одеты в парчовые расшитые одежды, струящие невиданный аромат. Бородатый стал угощать вином сидевшего на почетном месте, но тот, ничего не говоря, ткнул большим пальцем правой руки в сидевшего по старшинству следом за ним, приказывая начать с того. Когда вино было выпито и все вышли из кумирни, снова поднялся ураганный ветер. Старик ни о чем не успел спросить, как духи уже исчезли. Ветер стих, и старик обратился с расспросами к прохожим. Оказалось, что он попал в местность около Дунпина, а кумирня была кумирней духа Горы[1].

Старик, побираясь, шел несколько дней подряд, пока не добрался до дому. Вид у него был как у помешанного. (Рассказал Чжи Чжун-кэ.)

О том, как даосский наставник Ван ходил к горе Тяньтянь

Даосский наставник Ван Чжи-чан из скита Тяньцингуань, что в моей родной области, происходил из крестьянской семьи. Однажды, когда ему было лет шестнадцать или семнадцать, Ван пас овец в поле, как вдруг к нему подошел какой-то даос и спросил:

— А не желаешь ли пойти со мною на гору Тяньтаньшань?

---

[1] Здесь, как и в рассказе «Кан и Ли получают во сне предсказание», речь идет о вере китайцев в духов местности, в том числе духов гор. Духи считались покровителями данной местности, чиновниками загробного аппарата управления, поставленными надзирать за порядком и соблюдением законности. В честь местных духов сооружались кумирни и храмы, где им приносили жертвы и обращались с молитвами, жалобами и просьбами.

Ван выразил согласие. Даос взял его за руку и повел. На закате дня они подошли к какому-то городу, и тут даос вдруг исчез! Ван стал спрашивать прохожих, оказалось, что он в Цзиюане. Тогда Ван спросил, далеко ли отсюда до горы Тяньтаньшань.

— Да всего сто с чем-то ли, — отвечали ему.

Не имея возможности вернуться домой, Ван на другой день подошел к горе. Там он попал во дворцы Янтайгун. Узнав, что этого мальчика привел какой-то даос, все сбежались поглядеть на Вана, — ведь он в один день добрался из Тайюаня в Тяньтань! Решили, что у него судьба быть святым. Вана оставили в Янтайгуне и назначили возжигать благовония. Через восемь лет он вернулся на родину. Домашние страшно удивились — ведь они думали, что Ван давно умер. Потом препроводили его в скит Тянцингуань.

Сейчас Вану уже восемьдесят шесть лет, но дух его чист, а разум остер, как у юноши. Ван познал дао.

Указатель встречающихся в тексте перевода дат

Четвертый год правления под девизом Чжэн-хэ — 1114 г.
Годы правления под девизом Сюань-хэ — 1119—1125 гг.
Пятый год правления под девизом Гань-дао — 1169 г.
Годы правления под девизом Мин-чан — 1190—1195 гг.
Третий год правления под девизом Цин-юань — 1197 г.
Годы правления под девизом Чжэнь-ю — 1213—1216 гг.
Годы правления под девизом Син-дин — 1217—1222 гг.
Годы правления под девизом Чжэн-да — 1224—1232 гг.
Год жэнь-чэнь — 1232 г.
Год гэн-цзы — 1240 г.
Год синь-чоу — 1241 г.

Указатель встречающихся в тексе перевода географических названий

Вочжоу — Шаньси*
Гусу — Цзянсу
Дайчжоу — Шаньси
Динсянь — Шаньси
Дэнчжоу — Хэнань
Куньшань — Цзянсу
Линьань — Чжэцзян
Линьчуань — Хэнань
Луньшань — Хэнань
Наньань — Цзянси
Пиндин — Шаньси
Пинъюэ —Шаньси

* Название современной провинции, на территории которой располагалась указанная местность.

Пинъян — Шаньси
Синьчжоу — Хэнань
Тайюань — Шаньси
Танчжоу — Хэнань
Уян — Хэнань
Фанчэн — Хэнань
Фулян — Цзянси
Хуайсы — Цзянсу
Хэчжун — Шэньси
Цаочжоу — Шаньдун
Цзицзэ — Хэбэй
Цзиюань — Шаньдун
Цзэчжоу — Шаньси
Цзяньчан — Цзянси
Чаочэн — Шаньдун
Чжэн — Хэнань
Чжэньчжоу — Хэбэй
Шанъю — Цзянси
Шаоу — Фуцзянь
Шоучжоу — Аньхой
Шэньсянь — Хэнань
Эчжоу — Хубэй
Яньцзинь — Хэнань
Яньшань — Хэбэй

Перевод и примечания И. А. Алимова